

ПОЭТЫ И ПАЛАЧИ

«Я не научился любить Родину с закрытыми глазами», — говорил Чаадаев, объявленный сумасшедшим. В этом состояла и вина Осипа Мандельштама, можно сказать, наследственная вина лучших русских поэтов. Сегодня «Известия» публикуют первый из серии материалов Эд. Поляновского о вновь открывшихся обстоятельствах гибели Осипа Мандельштама и о трагических судьбах других русских поэтов.

1. Некрополь

В СЕРЕДИНЕ прошлого года «Известия» опубликовали серию очерков «Смерть Осипа Мандельштама» (№№ 121—125) о трагической судьбе поэта, его последних днях. По нынешним временам — усталости и безыерия, озлобленности и жестокости — читательских писем пришло более чем достаточно. В ожидании, когда иссякнет почта, в ожидании последней читательской строки минул год — срок почтенный. Часть писем точно отражает первобытное, острое состояние умов. «О. Э. Мандельштам ни поэт (бомж, бродяга, нищий), ни русский (еврей), ни тем более великим не был. Стремление называть своих «великими русскими» вы перевалили, очевидно, от геббельсовской пропаганды: чем чудовищнее ложь, тем больше ей поверят. В. Петров, Москва». «Газета думает точно в жидовском плане. Судя по составу, редакционному коллективу «Известий» мало русского народа, это видно невооруженным глазом. Э. Швейцарский, рабочий-ветеран, Краснодар». «Давайте публикации «Памяти». А. Крестьянская, Киев». В претензии с другой стороны: «С избытком написано о неаккуратности, неспешности поэта... Пошто так? Достоверно ли то, о чем говорит солдагерник большинство из лагерного начальства — еврей? Досадно, что издана на евреев привычки «собак вешать». Д. Каган, Ашхабад». «Еще неизвестно, что хуже — зоологический антисемитизм черносотенцев или возмущающий безоглядный спонизм Р. Серова, Можайск».

Кроме состояния ума, есть и состояние души — тех, чьи судьбы оказались средни. «Мы с мужем горько плакали, т. к. сами относимся к тем миллионным спот, отцы которых были беззастенчиво погублены коммунистами. Мы родились и жили в тихой деревне Кустовича на Белорусском Полесье. Из сотни дворов семьдесят с лишним лучших мужиков-работяг были расстреляны в подвалах Мозырского НКВД в 1937—38 годах. Молодые вдовы работали от зари до зари и десятилетиями ждали мужей. Сколько было надежды и слез... В. Козлова, Бобруйск». «Мой муж Титов Петр Иванович прошел такой же тяжкий путь через Владивосток, потом семь лет отбывал срок на Колыме (статья 5, п. 10). Хотя жизнь была нелегкой, пока тот живее. Мужу 80 лет, в браке мы 43 года. Но он до сих пор не реабилитирован. Он обратился в Саратовскую прокуратуру, оттуда направили уголовное дело мужа в Прокуратуру России — 2 октября 1991 года № 13—41—91—554 с... Муж потом трижды обращался в Прокуратуру России, ни на одно письмо ответа не получил. Без реабилитации он не имеет права получить полную пенсию. Я не только от себя пишу, но и как выяснилось в местной прокуратуре, от многих и многих... У этих людей нет времени ждать. А. Сукачева, Ижевск».

Публикации вызвали заметный резонанс далеко за пределами России. Другие берега: в письмах издалека — ни баррикад, ни ядовитой пены; ни личной ущемленности и драмы. Сострадание — в чистом виде, и поэту отнеслись как к поэту. Из США прислал письмо Рудольф Рутцайд — директор Русской школы Норвичского университета: «Благодарим редакцию газеты... Ваши публикации — еще одна страница в разработке темы, которой был посвящен международный симпозиум Норвичского университета, — «Литература и власть». На специальном вечере, посвященном памяти О. Э. Мандельштама, обзор ваших публикаций сделал проф. О. Чубайс. Известные ранее сведения о последних днях жизни поэта поражают своей страшной будничностью, рутинной обыденностью и полным обезличиванием человека».

Английская газета «Обсервер» попросила «Известия» приобрести права на использование очерков о Мандельштаме. Другая газета — израильская занялась перепечаткой без ведома «Известий», по-прежнему. Обратились с предложением о сотрудничестве издатели из Франции. Профессор Сорбонны Вероника Лосская специализируется на творчестве Мандельштама, Ахматовой, Пастернака, Цветаевой. Выбор — безупречный. До сих пор, рассказывая студентам о последних минутах жизни Осипа Мандельштама, она читала рассказ Шаламова «Шерри-бренди», в котором писатель на основе собственного лагерного опыта художественно домысливает смерть Мандельштама. Талантливая лагерная проза сама по себе приводила студентов в священный трепет.

Теперь у профессора появилась возможность говорить, как было все на самом деле. Теперь студенты Сорбонны — французы, американцы, немцы, англичане, теперь они узнают об Иване Никитиче Ковалеве, благоволенном пчеловоде, добром, смиренном, малограмотном человеке, который не прочел ни одной строки своего соседа по нарам и который, как верная русская няня, до последнего дня кормил поэта с рук. «Безумцу еврей продлил дни бывший псаленчик, зэк Иван Никитич Ковалев. Это знамение, что именно сейчас, когда, слава богу, все в нашем доме втянуто в беснование развала и междоусобия, к нам протянулся луч из того барака, загрызаемого тифозными швами. М. Гейтлер, Москва».

ГДЕ еще в мире, в каком отечестве у поэзии такая судьба.

«Воронки» развернулись. Приказали сойти. Переулок уткнулся в запасы пути. Выступил из мрака рельсы... Скоро гуртом мы по ним к вагонаку, Спотыкаясь, пойдем. С сундуками, мешками — Всем своим, что с собой, Будет часто пинками Подбодрять нас конной. Это из «Московской поэмы» Наума Коржавина, который в 1947 году был арестован, восемь месяцев провел в следственной тюрьме на Лубянке и затем отправлен в Карагандинскую область. Освобожден в 1954-м по амнистии. Тих барак с первомайским плакатом, Небо изное в серых клочках, Озаренный мордовским заклатом, Сторожит нас мальчишка в очках. Юлий Даниэль. Арестован

(вместе с Синявским) в сентябре 1965 года, приговорен к пяти годам строгого режима. «Сосны срубленные» назвал Варлам Шаламов стихотворение, по сути — о своем племени. Пахнут медом будуще бревна — Бывшие деревья на земле, Их ряды укладывают ровно, Подкатив к разрушенной скале. Чем живут в такой вот час смертельный Эти сосны испокон веков? Лишь мечтой быть мантой корабельной, Чтобы вновь коснулись облаков. Шаламов в первый раз был арестован в 1929 году, второй раз — в 1937-м, а третий — в 1943-м. После лагеря оставался на поселении на Колыме до 1953 года. «Как мы любим горько, грубо, Как обманулись мы, любя, Как на допросах, стиснув зубы, Мы отрекались от себя, И находили оправданье, Жестокости матери своей, На беспомощное страданье. Пославшей лучших сыновей, Ольга Берггольд — рупор блокадного Ленинграда. Была арестована беременной. Почти семь месяцев тюрьмы, допросы. Ребенок погиб в утробе. За что? Был бы поэт, а вина найдется. Ольга Берггольд — «за связь с врагами народа». Варлам Шаламов — за распространение текста знаменитого ленинского письма-завещения. Александр Клейн — за то, что в войну попал в плен. Юлий Даниэль — за то, что опубликовался за границей. Анатолий Жигуля — руководил «нелегальной антигаставинской организацией — коммунистической партией молодежи». Борис Чячбабин — «за антисоветскую агитацию». Иосиф Бродский — «за тунеядство».

Повезло. Вернулись. Иду и не верю: неужто невзгоды Жесткой неволи расстались со мной. Неужто дождался, дождался свободой! А руки привычно держу за спиной... Александр Клейн. После того, как в войну бежал из немецкого плена, наши органы приговорили его к расстрелу. Расстрел заменили на 20 лет лагерей. Разве не повезло? Из двух тысяч поэтов и писателей, репрессированных в советское время, полторы тысячи погибли в тюрьмах, лагерях, на пересылках, многие пропали без вести. Печорлаг, мунлаг, воркутлаг, ивдельлаг, ворылаги, белбалдлаг, карлаг, берлаг, бамлаг, амурлаг, чукотстройлаг, сучанлаг... Ландшафты России, названия почти поэтические — озера, речки, дуглаги, дубровлаг, степлаг, горлаг... Это юности знаки: Домжид... Запах угля... Конвоир... Собаки... И родная земля. Наум Коржавин. Последний аккорд «Московской поэмы», Губили весь народ. Ученых, военачальников, священников, рабочих, крестьян. Но трагедию поэта мы воспринимали острее, чем кого бы то ни было. Конечно, поэт умеет пожаловаться, как никто. Но главная правда в том, что поэт беззащитнее, беспомощнее других, у него нет точки опоры. Пребывание на земле безымянных блаженных Мандельштама или Хлебникова, как скитание безродных слепых, которым для надежности еще и завязали глаза. Блаженных на Руси всегда жалели: божий человек. Георгий Иванов в «Петербургских зимах» вспоминает психоневролога, лейб-медика Карпинского, который говорил: — Если отрезать палец солдату и Александру Блоку — обомлеть. Только Блоку в пятьсот раз больше.

Болезнь одиночества (даже в мирной комнате не мог оставаться один), одышка и головокружение (пришлось приобрести трость с набалдашником, и при своей шаркающей походке — пятки вместе, носки врозь, Мандельштам напоми-

нял Чарльз Чаплина, выходящего на острове углы бытия), седой, беззубый, рассеянный, разваливающийся беспомощный старик — таким он был еще до своего сорокалетия, до Лубянки и Бутырок. «Против неба, на земле, жил старик в одном селе...» Жил наедине со Вселенной, без посредников. Более нелепо арестанта трудно представить. Мандельштам стал символом затравленной, изничтоженной поэзии. Не Гумилев — жизнестойкий, оставивший потомство, или Цветаева, которой все же сколотили гроб и опустили в могилу, не другие затравленные и изничтоженные, а растворившийся Мандельштам. Прозаики чаще всего погибали в лагерях, поэты — по преимуществу на пересылках, так считал Борис Слуцкий. Стихотворение, которое называется «Прозаики», он посвятил Артему Веселову (расстрелян), Исааку Хабелю (расстрелян), Ивану Катаеву (расстрелян), Александру Лебедеву (расст-

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

релян) — писателям, продолжавшим творить на лагерных бараках. А поэты вам в этом помочь не могли, потому что поэты до шахт не дошли. Хорошо бы установить день памяти Поэзии. «У ДЕЛИВ столько внимания О. Э. Мандельштаму, способна ли ваша газета вспомнить других выдающихся поэтов, пострадавших в том же 1937-м, но — другой национальности. Скажем — русского Ник. Клюева? Или в «Известиях» действует пресловутая «черта оседлости»? Ю. Сукиасов, Харьков». Письма свихнутых читателей можно бы и не цитировать, если бы не свихнулось наше общество в целом. Для любого противоядия всегда — русского, именно — русского, только — русского. А знает ли Ю. Сукиасов потери малых народов России — удмуртов, башкир, коми, марийцев? Николай Клюев угодил в руки того же следователя, который допрашивал и Мандельштама. Я ведь и сам из этой «обоймы»: 19 лет тюрьмы, лагеря, ссылки. В Ленинграде в 30—50-е годы репрессирован был 131 литератор, почти треть всей писательской организации. 60 из них расстреляны. Все они посмертно реабилитированы, но преступление в отношении большей части из них продолжается. Только теперь оно называется забвением. Сегодняшние петербургские писатели подготовили книгу о погибших товарищах. 83 имени. Неизвестные документы и факты. Пожелтевшие письма и свидетельства. Но издательства выпустить отказываются: не-рентабельно. Они были доходны — эски, пока кайлили уголь, валяли лес, долбили мерзлый грунт. Мертвые они не нужны: убыточны. Третий год лежат у мэра города наши письма с просьбой помочь. Захар Дичаров, председатель Историко-мемориальной комиссии Союза писателей С.-Петербурга». Не все безнадежно. Работает общество «Мемориал», газеты, в частности «Вечерняя Москва», публикуют «расстрельные списки». Воскрешает неизвестные страницы прошлого «Литературная газета». Много делает комиссия по литературному наследию репрессированных писателей, в частности заместитель председателя ее Виталий Шенталинский, который, надо сказать, первый обнаружил за-претные прежде страницы «Дела» Мандельштама. Имена многих уничтоженных литераторов восстановил журналист Эдуард Белтов. Но все эти разрозненные, индивидуальности никак не подкрепляются государственной заботой.

ГДЕ еще в мире, в каком отечестве у поэзии такая судьба. В 1953 году библиотека «Отонька» выпустила помпальный сборник стихов под названием «Сталин в сердце». Вот трубку закурил и огонечек Лицо живое снизу осветил, И узникам во мраке одиночек Свободу дальний обтекс возвестил. Это Павел Антокольский, стихотворение «Наш Сталин с нами». В сборнике множество автографов поэтов — Грибачев, Софронов, Сурков, Щипачев, Тихонов, Асеев, Ошанин, Прокофьев, конечно, Михалков, и рядом с ними, вместе — Твардовский, Симонов, Яшин... Широко представлены и малые народы: практические уничтоженные башкирских писателей представляет Мустанг Карим («Солдаты, мы оружие не слагаем — мы партии на верность присягаем»), абхазских — Дмитрий Гулиа, аварских — Расул Гамзатов и т. д. и т. п. Обливается сердце кровью... Наш родимый, наш дорогой! Обхватив твою изголовье, Плачет Родина над тобой. Это — все та же Ольга Берггольд, рупор блокадного Ленинграда, арестованная беременной «за связь с врагами народа», ребенок которой умер тихо, не родившись.

Какова была жизнь — с топором и якорем в одном и том же углу, такова была и поэзия. Вытует понятие «косвенные потери». Например, к стоимости разрушенных в войну заводов и фабрик — прямым потерям, прибавляют стоимость не выработанной ими продукции. Несостоявшийся урожай на заминированных или сожженных полях — тоже косвенные потери. Это по большей части понятие хозяйственное. Но не только. Если к десяткам миллионов убитых — прямым потерям — добавить тех, кто от этих молодых и сильных должен был родиться, — тоже косвенные потери. Целью поколений косвенных потерь. В поэзии — то же. Кого не истребили, тот оказался в плену. Какие стихи, когда душа не свободна. Сколько драгоценных строк скончалось тихо, не родившись.

С поэтом Сергеем Алымовым с удовольствием работали лучшие композиторы-песенники. Знаменитые «Вася-Василек», «Самовары-самовары», «Хороши

весной в саду цветочки» распевала вся страна. Он сбегал из Канской тюрьмы (Енисейская губерния) еще в 1911 году, обосновался в Австрлии и вернулся в советскую Россию. Отправлен был на Солонки, на Беломоро-Балтийском канале возглавил первую в СССР лагерную газету «Перековка». Вот его стихи: Бездумного творчества нету. Мы творчески строим канал. Прислушайся к слову поэта, Технический персонал Советские люди вполне заслужили и высокую поэзию, по образу и чувствам не переводимую ни на какой другой язык, и величайшие латейские строки, и самое низкое рабское рифмоплетство.

НОЕ-ЧТО, касающееся судьбы Мандельштама, я теперь, после публикации, должен уточнить. Надежда Яковлевна и Ахматова считали, что ордер на первый арест в 1934 году подписал Ягода. Размывая подпись красным жирным карандашом малоразборчиво, ясно выделяется лишь заглавная буква Я. При внимательном рассмотрении выяснилось (помогли работники Министерства безопасности России), что расписался Я. Агранов, зам. председателя ОГПУ. Фамилия старшего барака № 11, где содержался Мандельштам, не Норонович, а Наранович. Из Большево Московской области прислал письмо Я. Резниновский, который еще в начале двадцатых годов состоял с Петром Нарановичем в комсомольской организации г. Тары Омской губернии. «Он был членом Тарского укомов комсомола, затем партии, редактором газеты, затем работал в Омском губкоме и Новосибирском крайкоме партии. После 1923 г. я его не встречал». Секретарь обкома партии, оказавшись старостой барака, избавил беззащитного Мандельштама от издевок, пролил ему жизнь — не перевел его, немощного, на нижние нары, с которых вконец ослабевших, но еще живых уносили практически в морт, дал тогда возможность спокойно умереть. Юрий Илларионович Моисеенко, солдагерник поэта, пытался и не смог точно вспомнить фамилию артиста Смоленского драмтеатра, читавшего в бараке сцены из Бориса Годунова, стихи Надсона и т. д., в последние недели жизни Мандельштама артист скрался его существованием.

— Забыл... Кажется, Савинов. Бывший директор Смоленского драмтеатра В. Растинкин сообщил, что такой фамилии никто не помнит: «Ветераны театра с большим трудом вспоминают, что среди репрессированных смоленских актеров были, кажется, Суздальцев и его жена Железнова, приехавшие в Смоленск из Ленинграда, Студенцов, Свищевский. Наши просьбы к архиву областного управления КГБ ни к чему не привели (прост точные данные: ф., и., о., год рождения и т. д.). Посоветуйте, куда обратиться?». Попробуйте связаться с архивом Магаданского областного Комитета безопасности, наконец — с архивными фондами МВР России в Москве. Допрос Мандельштама надобно было спрятать между двойными дверями, писатель Павленко. Для него это был спектакль, который он пересказывал много: как Мандельштам был арестан, как у него спалили брюки, и он смешно хватался за них и т. д. Я отнес этот факт ко второму аресту — в 1938 году, ибо в 1934-м личное участие Сталина в судьбе поэта, казалось, исключало возможность подсматривания для постороннего. Удалось найти свидетелей тесной дружбы писателя Павленко со следователем Шваровым — «Христофорчиком», который вел именно первое дело. А главное, Эмма Григорьевна Герштейн подтвердила, что слышала рассказ о Павленко от самого Мандельштама в Воронежце. Она пришла туда по настоятельной просьбе их обоих. Там попенала Осипу Эмильевичу за то, что тот назвал ее имя среди слушателей

его стихотворения о Сталине. Мандельштам в оправдание стал рассказывать, как страшно было на Лубянке: — Меня подымали куда-то на внутреннем лифте. Там стояло некоего человека. Я упал на пол. Бился... Вдруг слышу над собой голос: «Мандельштам, Мандельштам, как вам не стыдно?». Я поднял голову. Это был Павленко. Значит, речь о первом аресте, я, значит, Павленко был причастен оба раза: в 1934-м — как солдагерик, и в 1938-м — как солидошик вместе со Ставским. Показания Мандельштама не могли не сыграть печальной роли в судьбе слушателей его сталинского стихотворения (тут Надежда Яковлевна, мягко говоря, вводит потопом в заблуждение). Льва Гумилева арестовывали несколько раз, а вину ему вменялось и то, что он слушал — но не донес. Саму Герштейн, в ту пору сотрудницу ВЦСПС, выгнали с работы. — Но мне все же повезло, меня не допрашивал ни один следователь. Мы старались уберечь Льва Гумилева, чтобы он никак не услышал этого стихотворения. Но... Он был еще очень молод, и уже сидел. И Кузин уже сидел. Оба только что вышли на свободу, их надо было побережь. А Осип Эмильевич их обоих называл... И Ахматову, которая уже десять лет была иждивенкой, ее не печатали с 1925 года, и ее называли... Ломались на допросах самые стойкие профессиональные большевики, железные полководцы. Что спрашивать с поэта, в котором едва теплилась жизнь. В конце концов согласимся с оценкой критика и искусствоведа Эрика Голлербаха: «О Мандельштаме говорили и продолжают говорить много дурного. Но не прав ли Жан-Поль (И. П. Ф. Рихтер. — Авт.): «Прекрасный дух редко бывает прекрасной душой». Если прекрасны и дух, и душа, человек — велик. Никто, конечно, не решится назвать Мандельштама великим человеком. Но прекрасным поэтом он был. Безусловно, существовало «дело оперативной разработки», след которого затерялся. В папку его ложился донесения агентов, следивших за поэтом, следователь Шваров не только не скрывал, но и подчеркивал, что ему прекрасно известно окружение поэта. Те имена, которые он не смог выудить у Мандельштама, поэт не назвал. Остались не упомянуты не только Пастернак и Шкловский, но и вдова писателя Грина Нина Николаевна, поэты Г. Шенгели и С. Липкин, художник А. Тыллер. В одном ряду с неназванными именами стоит и мимолетный эпизод, нечаянная полувстреча. Незадолго до ареста Мандельштама сидели у Харджиевых. Они заметили кающую-то тень за окном — оно было выключено, и вышло по двору. Кто-то нагло заглянул через стекло в комнату. Хозяин, Николай Иванович Харджиев, быстро распахнул окошко, незнакомец, не слыша, отошел и скрылся за выступом дома. Все понаки: Осип Эмильевич пришел за собой шпика. Мандельштамы занерничали и вскоре ушли. В пустынном Александровском переулке им повстречался Эмма Григорьевна Герштейн. — Было уже темно, на тротуарах слякоть. Осип Эмильевич в черной меховой куртке, с высоко поднятой головой, а рядом плетется понурый Надя. Я окликнула их, поклонилась, но Надя посмотрела на меня неопределенным взглядом, а Осип, не меняя положения головы и почти не шевеля губами, произнес: «Мы не знакомы, мы не знакомы...». Загнанный, затравленный Мандельштам хотел уберечь ее от надзора агента. Больше она его не видела. Сейчас Эмма Григорьевна работает над воспоминаниями. Хорошо, что еще живы те, кто может рассказать об этой драме; хорошо также, что еще есть, кому рассказать, кто готов слушать в наше дицинное время. ПРЕЖДЕ чем заняться судьбой поэта, я обратился за советом к одному из исследователей П. Нердери. — Я предположил бы, — ответил он, — что Мандельштамом заинтересовались специалисты, а не журналисты. Мало того, что еще при жизни Мандельштама его считали поэтом для избранных, и теперь... Можно, конечно, поэтов, их судьбы разделять, как земельные наделы: это — мое. Но тогда поэт напрасно творил, занимая силы и талант — у Бога. Хорошо, что есть кому и что рассказать. Хорошо, что тот же Павел Маркович Нерлер, по профессии, если не ошибаюсь, географ, не будучи специалистом, занялся давно и успешно Мандельштамом, он многое сделал. Хорошо, что инструктор Приморского крайкома партии Валерий Марков, открыв томик стихов Мандельштама, не смог от них оторваться. Партаппаратчик прошел все склоны Второй Речки, отмерил расстояние от бывшего пересельного лагеря (там теперь флотская часть) до каменного карьера, где заключенные сами себе копали могилы... Он нашел, кажется, нашел ту братскую могилу, в которую было свалено тело поэта. По непереведенным данным Маркова, длина могилы была 40—50 метров, а ширина в два человеческих роста. Сейчас на этом месте пролегал улица Вострцова, здесь разбит бульвар, построены жилые дома. По другим данным, заключенные копали ямы-воронки. Я заранее благодарен всем тем, кто придет потом, вслед, взявшись за очередные уточнения и дополнения. Ибо, как сказал сам поэт в «Четвертой прозе»: «Судопроизводство еще не кончилось и, смею вас заверить, никогда не кончится. То, что было прежде, только увертюра».

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10

«Известия» — 1993 — 18 сент. — с. 10